

Лященко Аркадий Иоакимович

О "Молении Даниила Заточника"

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А82

А82 **Аркадий Иоакимович Л.**
О "Молении Даниила Заточника" / Лященко Аркадий Иоакимович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 46 с.

ISBN 978-5-519-94569-1

ISBN 978-5-519-94569-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

словъ въ самомъ памятникѣ: «Кому Бѣлоозеро, а мнѣ чернѣ смолы, кому Новгородъ, а мнѣ углы опали». Итакъ, если мы найдемъ такого князя съ именемъ Ярослава, который одновременно княжилъ и въ Переяславлѣ Южномъ и въ Новгородѣ, то именно къ нему и должно быть адресовано «Слово Данила Заточника». Такимъ княземъ былъ *Ярославъ Всеволодовичъ* (1191—1246). Онъ былъ призванъ новгородцами изъ Переяславля послѣ отъѣзда отъ нихъ Мстислава Удалаго и прибылъ въ Новгородъ въ 1215 г. Ярославъ въ первое время велъ себя въ Новгородской землѣ какъ въ завоеванной странѣ, и потому удержался здѣсь тогда недолго, до знаменитой Липецкой битвы въ апрѣлѣ 1216 г. Вторично призвали его новгородцы въ 1222 г., и вскорѣ Ярославъ ознаменовалъ себя удачными походами въ Чудскую землю; въ 1224 г. въ Новгородѣ опять является другой князь. Въ 1225 г. съ *переяславскими войсками* Ярославъ у Усвяти удачно отбиваетъ у литовцевъ весь полонъ, взятый ими въ Новгородской землѣ. Съ этого времени онъ принялъ изъ Новгорода цѣлый рядъ походовъ, занялъ (1226 г.) часть Еми (южной Финляндіи), крестилъ кореловъ, соотѣдей Еми (1227 г.), отбилъ емь, хотѣлъ итти съ вызванными изъ *Переяславля* полками на Ригу, но псковичи воспротивились походу. Этотъ отказъ вызвалъ и раздоры князя съ новгородцами. Снова появляется Ярославъ въ Новгородѣ послѣ 1230 г.; въ 1234 г. онъ одерживаетъ побѣду надъ нѣмцами и литовцами. Въ 1236 г. Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ сына Александра (Невскаго) и отправился въ Кіевъ. Послѣ несчастной битвы при Сити Ярославъ занялъ великокняжескій престолъ во Владимирѣ; въ 1243 г. Батыемъ Ярославъ былъ признанъ старѣйшимъ княземъ на Руси. Въ 1245 г. онъ вторично былъ въ Ордѣ и на пути къ великому хану на берега Амура умеръ 30 сентября 1246 г., какъ думали современники, отъ отравленія ¹⁾. Если мы обратимъ вниманіе на то, что самъ Ярославъ въ нашемъ памятникѣ нигдѣ не называется великимъ княземъ, и что дѣятельность его въ Новгородской землѣ была особенно замѣтной въ промежутки его княженія въ Новго-

¹⁾ А. В. Экземплярскій: Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ. Спб. 1889, стр. 7—19.

родѣ между 1223 и 1236 гг., то мы въ правѣ предположить, что «Слово Даниїла Заточника» вѣроятно всего могло быть написано въ эти 13 лѣтъ. (Ниже мы постараемся обосновать предполагаемую нами вслѣдъ за проф. Голубинскимъ причину ссылки Даниїла; вотъ почему мы привели рядъ указаній о походахъ Ярослава въ Новгородской области).

Теперь перейдемъ къ вопросу: могъ ли отецъ Ярослава, Всеволодъ, бывшій конечно великимъ княземъ, называться въ памятникахъ литературныхъ и историческихъ не только «великимъ княземъ», но и «великимъ царемъ». У нашихъ историковъ на этотъ вопросъ мы можемъ найти слѣдующіе отвѣты. «Всеволодъ Георгиевичъ—говоритъ Карамзинъ—спокойно и тихо преставился на пятьдесятъ-осьмомъ году жизни, оплакиваемый не только супругой, дѣтьми, боярами, но и всѣмъ народомъ: ибо сей государь, называемый въ лѣтописяхъ *Великимъ*, княжилъ счастливо, благоразумно отъ самой юности, и строго наблюдалъ правосудіе¹⁾. Вотъ слова Соловьева: «*Князь* было общее неотъемлемое названіе для всѣхъ членовъ Рюрикова дома. Старшій въ родѣ князь назывался *Великимъ*; но сначала въ лѣтописи мы встрѣчаемъ очень рѣдко этотъ титулъ при имени старшаго князя; обыкновенно онъ придается только важнѣйшимъ князьямъ, и то при описаніи ихъ кончины, гдѣ лѣтописецъ обыкновенно въ украшенной рѣчи говоритъ имъ похвалы. Ярославъ I называется великимъ княземъ Русскимъ; здѣсь слово *Русскій* однозначительно съ *Всероссійскій*, князь *всехъ Руси*... Но если въ южной лѣтописи мы такъ рѣдко встрѣчаемъ названіе «великій князь», то въ Сѣверной Руси оно начинаетъ прилагаться постоянно къ имени *Всеволода III* и сыновей его, державшихъ старшинство; здѣсь даже это названіе начинаетъ употребляться одно безъ собственнаго имени для обозначенія *Всеволода III*. Великими князьями *всехъ Руси* названы Мономахъ, при описаніи его кончины, и Юрій Долгорукій, при описаніи кончины Всеволода III; первый съ достаточнымъ правомъ, второй, какъ видно, изъ особеннаго усердія сѣвернаго лѣтописца къ князьямъ

¹⁾ Исторія государства Россійскаго. Изданіе Эйнерлинга. Сиб. 1842, т. III, столб. 82.

своимъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, въ похвалѣ Мономаху и сыну его Мстиславу, слово «великій» поставлено позади собственныхъ именъ ихъ; также не разъ поставлено оно позади имени Всеволода III, не одинъ разъ для отличія его отъ другого Всеволода, князя Рязанскаго... Для означенія высшей власти, также изъ бѣльшей учтивости и усердія, относительно князей употреблялись слова «царь, царскій»¹⁾. Царемъ, на примѣръ, названъ въ лѣтописи Изяславъ II Мстиславичъ. Романъ Галицкій въ лѣтописи называется «самодержцемъ всей Руской земли»²⁾. Еще Калайдовичъ указалъ въ «Словѣ» митрополита Никифора, современника Владимира Мономаха, выраженіе, что Богъ Мономаха «отъ царское и княжеское крови смѣсилъ»³⁾. Изъ словъ Никифора можно заключить, почему титулъ царя сталъ употребляться при именахъ потомковъ Мономаха. Въ виду приведенныхъ историческихъ указаній нисколько не странно то обстоятельство, что Даніилъ въ своемъ посланіи къ Ярославу Всеволодовичу называетъ его отца «великимъ царемъ»⁴⁾.

На вопросъ, что естественнѣе: замѣна ли переписчиками отчества князя Ярослава Всеволодовича—Владимировичемъ, или наоборотъ, мы безъ колебанія отвѣчаемъ, что естественнѣе первое; другими словами, мы убѣждены, что отчество «Владимировичъ» есть позднѣйшее искаженіе. Въ самомъ дѣлѣ, для Даніила—и Всеволодъ, и его сынъ были людьми очень близкими и хорошо извѣстными; но такъ ли это было для позднѣйшаго переписчика? Съ развитіемъ Московскаго княжества и объединенія земель около Москвы особенную популярность стало пріобрѣтать имя Владимира Мономаха, родоначальника Владимиро-Суздальскаго дома; въ московское время создавалась легенда о Мономаховыхъ регалияхъ. Естественно, что для позднѣйшихъ переписчиковъ, особенно

1) Соловьевъ: Исторія Россіи. Изд. «Товарищества Общественной Пользы», т. III, гл. I, стлб. 671—672.

2) Лѣтопись по Ипатскому списку. Спб. 1871, стр. 479.

3) Памятники Россійской словесности XII в. М. 1821, стр. 227.

4) Самъ Ярославъ Всеволодовичъ называется «честнымъ и великимъ» въ Житіи Александра Невскаго, написанномъ современникомъ. См. «Сказаніе о подвигахъ и жизни св. Александра Невскаго», сообщилъ архим. Леонидъ. Спб. 1882, стр. 6 («Памятники древней письменности», XXXVI).

XVI и XVII вв., имя Всеволода было настолько же чуждымъ, насколько имя Владимира близкимъ. Замѣна перваго имени послѣднимъ могла явиться или по невѣжеству, или даже по неудачному домыслу¹⁾. Притомъ, мы должны принять въ расчетъ и то обстоятельство, что отчество «Всеволодовичъ» сохранилъ намъ древнѣйшій списокъ «Слова», XV в.

Мы имѣемъ полное основаніе назвать замѣну въ нѣкоторыхъ спискахъ «Слова Даніила Заточника» отчества князя «Всеволодовичъ» — «Володимировичемъ» неудачной, потому что Ярослава Владимировича, «сына великаго царя (князя) Владимира», *никогда не было*. Изъ восьми сыновей Владимира Мономаха, котораго одного только и можно разумѣть подъ именемъ великаго царя Владимира, не было ни одного съ именемъ Ярослава. Исслѣдователямъ поэтому приходилось указать или такого Ярослава, который не былъ сыномъ Мономаха, или такого Мономаховича, который не носилъ имени Ярослава. Необходимость же того или другого выбора основывалась на неправильномъ и недоказанномъ предположеніи, что «Слово» написано въ XII вѣкѣ: требовался, такимъ образомъ, и князь XII вѣка. Ярославъ Владимировичъ отыскался среди многочисленнаго рода Мономаховичей; — это былъ сынъ Владимира Мстиславича, слѣдовательно *правнукъ* Владимира Мономаха. (На этомъ имени особенно настаивали Срезневскій, Миллеръ и Порфирьевъ). Уже одно то, что, принявъ это имя за первоначальное въ «Словѣ», мы отступаемъ отъ прямого текста памятника, *во всѣхъ спискахъ* котораго Ярославъ названъ «сыномъ» великаго Всеволода (Владимира), не говоритъ въ пользу мнѣнія Срезневскаго и другихъ ученыхъ. Но противъ него говорятъ и историческія основанія. Отецъ

¹⁾ П. А. Безсоновъ предполагаетъ цѣлый рядъ изводовъ «Слова», XII в. и позднѣйшихъ. «Списокъ, служившій Карамзину для разнорѣчій, — говоритъ онъ — князя наввалъ Ярославомъ, и потому исторіографъ сдѣлалъ догадку, что Георгій Долгорукій могъ имѣть славянское имя Ярослава. Но онъ не сказалъ намъ, какое въ списокъ прибавлено отчество; если Владимировичъ, то опять это далеко и странно, если Всеволодовичъ, то это былъ бы своеобразный изводъ, близкій къ нашему въ списокъ XV в.» (т. е. Ундольскаго). — Для насъ появленіе отчества «Всеволодовичъ» въ первой редакціи не было бы страннымъ. Оно было бы однимъ изъ лучшихъ доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія.

Ярослава Владимировича, Владимиръ Мстиславичъ, былъ едва ли не ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ Мономаховичей, не отличался никакими личными доблестями и игралъ самую постыдную роль въ княжескихъ междоусобіяхъ; только четыре мѣсяца занималъ онъ старшій еще тогда столъ въ Кіевѣ, притомъ занималъ обманомъ. Андрей Боголюбскій не признавалъ его, и только смерть Владимира (1171 г.) спасла его еще отъ одного постыднаго пораженія. Вотъ отзывъ о немъ лѣтописца: «Много перенесъ онъ бѣдъ, бѣгая отъ Мстислава то въ Галичъ, то въ Венгрію, то въ Рязань, то къ половцамъ, но все по своей винѣ, потому что неустойчивъ былъ въ крестномъ цѣлованіи». Является совершенно невѣроятнымъ, чтобы гдѣ-либо Владимиръ Мстиславичъ былъ названъ великимъ царемъ (княземъ) въ то время, когда въ XII в. такой титулъ могъ прилагаться только къ Владимиру Мономаху¹⁾. Всѣ списки «Слова» удерживаютъ титулъ «великаго» за отцомъ князя Ярослава, такъ что это мѣсто не можетъ считаться позднѣйшею вставкой; это титулованіе — очень существенная для насъ черта древнѣйшей основы «Слова» и сильное доказательство противъ признанія древнѣйшимъ именемъ въ «Словѣ» имени Ярослава Владимировича. За признаніе этого имени говоритъ только одно то, что Ярославъ Владимировичъ былъ Новгородскимъ княземъ (съ 1181 по 1199), — доказательство, очевидно, очень слабое и нисколько не подрывающее нашего предположенія о Ярославѣ Всеволодовичѣ, какъ о лицѣ, къ которому направлено «Моленіе».

Разсмотрѣніе мнѣній другихъ ученыхъ о древнѣйшемъ будто бы употребленіи въ «Словѣ» имени одного изъ сыновей Владимира Мономаха приводитъ насъ къ разбору главныхъ положеній статьи проф. П. А. Безсонова, настаивавшаго на томъ, что первоначально въ «Словѣ» стояло имя Андрея Владимировича, князя Переяславскаго²⁾. Предварительно, однако, мы замѣтимъ, что под-

¹⁾ Прекрасный разборъ мнѣнія Срезневскаго и Миллера о Ярославѣ Владимировичѣ представилъ г. Модестовъ въ своей статьѣ «О посланіи Даніила, Заточника» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1880, № 11 стр. 189—191).

²⁾ Статя П. А. Безсонова въ «Москвитинѣ» 1856, № 7 и 8.

ставленіе на мѣсто ясно читаемаго въ четырехъ спискахъ нашего памятника имени Ярослава какого-либо другого имени не можетъ быть признано приѣмомъ научнымъ. Но для такого подставленія были, конечно, свои причины; причины эти заключались, во-первыхъ, въ неправильномъ предположеніи, что «Слово Даниіла Заточника» написано было въ XII в., во-вторыхъ, въ игнорированіи того, что не одинъ Владимиръ Мономахъ могъ называться великимъ княземъ или великимъ царемъ, что титулъ «великаго» послѣ Мономаха былъ присвоенъ Всеволоду III. Какъ же создалось предположеніе о написаніи «Слова» въ XII в.?

Первый, опубликованный сперва Карамзинымъ¹⁾, затѣмъ Калайдовичемъ²⁾ списокъ «Слова Даниіла Заточника» (Толстовскій), какъ мы уже упоминали, не давалъ имени князя, называя его только сыномъ великаго царя Владимира. Вполнѣ естественно было первоначальное предположеніе, что въ «Словѣ» разумѣлся Юрій Долгорукій.

Далѣе, въ «Словѣ» приводятся слѣдующія слова, приписываемыя Даниіломъ Ростиславу: «Не лгалъ бо ми — говоритъ Заточникъ — Ростиславъ князь: лѣпше бо ми смерть, а не Курское княженіе». Ростиславъ былъ княземъ Южнаго Переяславля во второй половинѣ XII в. (Еще Калайдовичъ отмѣтилъ, что эти слова о Курскомъ княженіи въ лѣтописи приписаны не Ростиславу, а Андрею Владимировичу, княжившему въ Переяславѣ въ 1135—1141 гг.).

Это мнѣніе о принадлежности «Слова» къ XII в. стало настолько безспорнымъ, что, когда появились новые списки памятника, съ полнымъ именемъ князя, ни разу не былъ поднятъ вопросъ, правильно ли первоначальное отнесеніе «Слова» къ XII в. О первомъ основаніи такого приуроченія (то-есть о догадкѣ, что «Слово» было адресовано къ Юрію Долгорукому) намъ говорить нечего, такъ какъ оно безусловно было устранено вновь найденными списками «Слова». Повидимому за современность «Слова» Юрію или вообще XII в., говоритъ выраженіе Даниіла: «не лгалъ

¹⁾ «Исторія Государства Россійскаго», е. с., т. V, прим. 48.

²⁾ «Памятники Россійской словесности XII в.». М. 1821.

бо *ми* Ростиславъ князь». Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, какъ понимать здѣсь слово «ми»: означаетъ ли эта фраза, что Даниилъ передаетъ лично имъ слышанныя отъ князя Ростислава слова, или слово «ми» имѣетъ здѣсь какое-либо другое значеніе? Безъ всякаго сомнѣнія, «ми» имѣетъ здѣсь значенія *dativus ethicus* или такъ называемаго А. А. Потебней дательнаго поэтическаго. Употребленіе въ этомъ значеніи «ти» придаетъ, по словамъ О. И. Буслаева, «особенную искренность и наивность разговорнаго начала». Этотъ дательный, по мнѣнію Потебни, «выражаетъ сознаніе живости, съ какою пѣвецъ или рассказчикъ представляетъ себѣ то, о чемъ говоритъ; интересъ, какой принимаетъ въ этомъ онъ самъ («ми») или вмѣстѣ съ слушателями («ти», *малорус.* «тоби», «вамъ»), какъ отраженіе интереса перваго лица». Примѣры употребленія такого дательнаго указаны Потебней въ выраженіяхъ: 1) «Что *ми* шумить, что *ми* звенить рано предъ зорями?» (изъ «Слова о полку Игоревѣ»), 2) «Не лгалъ бо *ми* (то-есть не «*мнѣ*», а «*вѣдѣ*», «я *знаю*») Ростиславъ князь» (изъ нашего «Слова Даниила Заточника») ¹⁾. Такой дательный поэтический встрѣчается въ «Словѣ Даниила Заточника» не разъ; напримѣръ: 1) «Княже, мой господине? аще ти есмь на рати не хорообръ, но на словесехъ ти есмь крѣпокъ», 2) «Кому *ти* есть Переславль, а мнѣ Гореславль» ²⁾. Наконецъ, мы можемъ привести важный для насъ примѣръ изъ нашего «Слова»: «Святополкъ, и виновать будя избивъ братню, но такоти есть крѣпокъ, — едва къ вечеру, рече, силою одолѣ Яро-славъ». Если «ти» въ этой фразѣ понимать не какъ дательный поэтический, то Святополкъ окажется современникомъ князя Яро-слава Всеволодовича.

И такъ, мы видимъ, что текстъ самого «Слова» не даетъ никакихъ основаній признавать его памятникомъ XII в.

Перейдемъ теперь къ статьѣ проф. П. А. Безсонова. Ему принадлежитъ заслуга довольно подробнаго указанія источниковъ «Слова», детальнаго сравненія двухъ редакцій и установленія

¹⁾ А. А. Потебня: Малорусская народная пѣсня по списку XVI в. («Филологическія Записки» 1877, вып. II и отдѣльно, Воронежъ. 1877), стр. 6 и слл.

²⁾ Потебня, *op. cit.*, стр. 10.

древнѣйшей изъ нихъ (мы бы сказали: удержавшей болѣе древнѣйшихъ чертъ) и, наконецъ, твердое обоснованіе, вытекавшее уже изъ сопоставленія «Слова» съ другими древними памятниками, подлинности его (противъ которой были возражатели). То, что Даниилъ Заточникъ былъ лицо историческое, г. Безсоновъ доказывалъ упоминаніемъ о немъ въ лѣтописяхъ подъ 1379 г. ¹⁾ Извѣстенъ былъ Даниилъ, какъ несчастный, въ народныхъ сказкахъ и въ древней пословицѣ («какъ Данило Безсчастный не заслужилъ ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго»).

Но въ разсмотрѣніе вопроса о времени написанія «Слова Даниила Заточника» проф. Безсоновъ внесъ немалую путаницу, которая повторяется многими и остается нераспутанной доселѣ.

По мнѣнію г. Безсонова, ни одна, ни другая изъ дошедшихъ до насъ редакцій, не представляетъ собою древнѣйшей редакціи; то, что дошло, — есть уже передѣлка. Древнѣйшей редакціей, по мнѣнію г. Безсонова, не могъ быть списокъ Ундольскаго, потому что въ немъ о Даниилѣ говорится въ третьемъ лицѣ, какъ бы о другомъ писателѣ («Даниилъ рече»...). Не можетъ быть признанъ древнѣйшей редакціей и списокъ Толстого, *потому что* (!) въ немъ нѣтъ словъ Даниила, имѣющихся въ списокѣ Ундольскаго, «Даниилъ рече» и пр. и явны позднѣйшія приписки. Итакъ, заключаетъ г. Безсоновъ, мы можемъ говорить только о томъ, какая изъ редакцій ближе къ первоначальному подлиннику. Онъ отдаетъ предпочтеніе въ этомъ отношеніи списку Толстого, удержавшему упоминаніе объ озерѣ Лачѣ. Соглашаясь съ тѣмъ, что до насъ не дошла древнѣйшая редакція «Слова Даниила Заточника» въ первоначальномъ своемъ видѣ, мы понимаемъ, однако, это нѣсколько иначе, чѣмъ г. Безсоновъ. По нашему мнѣнію, памятникъ едва ли подвергся въ двухъ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ редакціяхъ *переработкѣ*. Измѣненія прототипа памятника произошли только отъ ошибокъ переписчиковъ и отъ случайной вставки нѣкоторыхъ

¹⁾ Имя Даниила Заточника встрѣчается въ сѣверныхъ лѣтописяхъ въ разсказѣ о битвѣ при рѣкѣ Вожѣ; тогда поймали пришедшаго изъ орды перелѣбжчика попа тысяцкаго Ивана Васильевича съ мѣшкомъ зелья; его сослали на озеро Лаче, гдѣ былъ—прибавляетъ лѣтописецъ—Данило Заточникъ.

мѣсть. Обѣ редакціи даютъ достаточно ясное представленіе о древнѣйшемъ видѣ памятника, и самому г. Безсонову принадлежить заслуга указанія древнѣйшихъ мѣсть въ «Словѣ» на основаніи сравненія обѣихъ редакцій. Дошедшіе пять списковъ и Соловецкая передѣлка нашего памятника позволяютъ возстановить очень многія испорченныя мѣста и объяснить даже неудачныя перестановки нѣкоторыхъ мѣсть во второй редакціи. Возстановленіе древнѣйшей редакціи «Слова Даниїла Заточника» представляетъ работу благодарную по своимъ результатамъ.

Въ виду сказаннаго, замѣна *въ одномъ мѣстѣ* второй редакціи перваго лица третьимъ («Даниль рече»), а также пропускъ этого же мѣста въ первой редакціи и ясно отдѣлимая въ ней вставки нисколько не доказываютъ умышленной передѣлки памятника, *съ извѣстною цѣлью*. Ибо тѣ вставки въ первой редакціи «Слова» и нѣкоторыя сокращенія во второй редакціи, которыя мы видимъ теперь, не могутъ свидѣтельствовать о какой-либо особой цѣли переписчиковъ (или передѣльщиковъ, какъ называетъ ихъ г. Безсоновъ). Предположеніе же о древнѣйшей не дошедшей до насъ, вслѣдствіе намѣренной передѣлки переписчиками, редакціи «Слова» понадобилось г. Безсонову для обоснованія дальнѣйшихъ его домысловъ, по нашему мнѣнію, не имѣющихъ подъ собою никакой почвы.

П. А. Безсоновъ обращаетъ вниманіе на приведенное уже нами изреченіе князя Ростислава. По его предположенію имя Ростислава (вмѣсто лѣтописнаго Андрея Владимировича) «въ спискахъ обоего разряда вставлено ошибочно, и *потому* позднѣйшими переписчиками и передѣльвателями». Съ этимъ «потому» никакъ нельзя согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, неужели Даниїль Заточникъ долженъ быть признаваемъ безупречнымъ въ своихъ цитатахъ, а ошибаться могли только переписчики или передѣльватели «Слова»? Гораздо естественнѣе думать, что эта цитата, какъ и всякая цитата по памяти, не обошлась безъ неточности, то-есть, что въ данномъ случаѣ авторъ ошибочно приписалъ выраженіе одного Переяславскаго князя другому. Вѣдь нельзя представлять себѣ дѣло такъ, что сосланный на озеро Лаче дружинникъ Даниїль былъ окруженъ библіотекой, пользуясь которой могъ наводить нужныя справки. Мѣста изъ Священнаго Писанія помнились имъ лучше, и цитаты изъ него поэтому болѣе точны.

Кстати, я обращаю вниманіе на другую цитату Даниїла, не находящую въ извѣстныхъ теперь спискахъ лѣтописи. Вотъ она: «Якоже рече Святославъ сынъ Игоревъ (въ другихъ спискахъ: сынъ Олжинъ) идый на царя (Царьградъ) съ малою дружиною и рече имъ: Братіе! намъ ли отъ града погибнути или граду отъ насъ плѣнену быти? Яко же Богъ повелитъ; тако и будетъ: поженетъ бо единъ сто, а отъ ста двинется тысяча; надѣйся на Господа яко гора Сіонъ не подвижется во вѣки» ¹⁾).

Является вопросъ, могъ ли Даниїлъ Заточникъ приписать князю-язычнику слова изъ Священнаго Писанія, или это сдѣлали (быть можетъ, намѣренно?) переписчики и передѣльватели? Я думаю, что ошибаться могъ и Даниїлъ Заточникъ.

Г. Безсоновъ предполагаетъ, что замѣна имени Андрея именемъ Ростислава была *намѣренной*; въ первоначальной редакціи вмѣсто Ростислава стояло имя Андрея Юрьевича; *къ этому Андрею*, думаетъ изслѣдователь, и было адресовано первоначальное «Моленіе». Слова Андрея о Курскомъ княженіи могъ припомнить его собственный дружинникъ, а въ его устахъ они пріобрѣтали значеніе: какъ тебѣ, князь, было тяжело внѣ Переяславля, въ Курскомъ княженіи, такъ тяжело и мнѣ, Даниїлу Заточнику. Когда вслѣдъ за Андреемъ на Переяславскомъ столѣ сѣлъ его племянникъ Ростиславъ Юрьевичъ, переписчикъ ради современности подставилъ имя Ростислава. Впослѣдствіи имя Ростислава уступило имени Ярослава Всеволодовича.—Таково сложное объясненіе, вызванное невѣрной цитатой Даниїла и нисколько не оправдываемое дошедшими текстами «Слова». Намъ представляется это объясненіе положительно неудачнымъ. Но помимо ненужныхъ и вопіющихъ натяжекъ, въ немъ есть слѣдующія странности.

Зачѣмъ понадобилось переписчику «Слова», современнику Ростислава Юрьевича, измѣнять имя Андрея Юрьевича въ изреченіи, которое, какъ онъ завѣдомо зналъ, принадлежало Андрею? Ради какой «современности»? Можно еще съ натяжкой предположить,

¹⁾ Во 2-й редакціи это обращеніе является въ болѣе распространенномъ видѣ. Святославу приписана цитата изъ Второзаконія и изъ псалма СХХІV. См. примѣч. 21-е изд. Шляпкина.